

Арамбий ЕМИЖ:

На турнире по дзюдо «Мастерс», 1993 г.

«В моей жизни Якуб Коблев сыграл великую роль»

Легендарная школа дзюдо в Майкопе подарила нашей стране и всему миру уникальных спортсменов, на которых равнялись многие поколения спортсменов. Бронзовый призёр Олимпийских игр 1980 года Арамбий Емиж — один из них. По словам самого Арамбия Ибрагимовича, его жизненный путь был определён легендарным тренером Якубом Коблевым, который быстро разглядел в 16-летнем парне из аула Асоколай будущего чемпиона. В интервью «БЮЛЛЕТЕНЮ РОССИЙСКОГО ДЗЮДО» Арамбий Емиж рассказал о своей недолгой, но очень яркой спортивной карьере, Олимпиаде в Москве, тренерской работе в России и Германии, а также об огромной роли, которую в его жизни сыграл Якуб Камболетович.

– Арамбий Ибрагимович, как Вы начали заниматься борьбой?

– Мой старший брат был борцом классического стиля, и он захотел, чтобы я пошёл в самбо. Я не стал сопротивляться. Мне тогда было 16 лет.

– До этого занимались каким-то видом спорта?

– В деревне сено косил, дрова колот (смеётся). Физически я был готов к нагрузкам. Пришёл в секцию в Майкопе в 1969 году.

Якуб Коблев и Арамбий Емиж (крайний справа)
во время московской Олимпиады

– Вы пришли в секцию к легендарному Якубу Коблеву...

– Коблев брал всех, кто к нему приходил. Помню, как увидел его впервые. Это был февраль 1969 года, проходило первенство России среди сельхозтехникумов по вольной борьбе, и он там судил, а я только начал заниматься борьбой. Вышел я на ковёр. Он на меня смотрит — я в ответ посмотрел и улыбнулся. Ему ничего не оставалось, как улыбнуться мне в ответ. В общем, через полгода я стал тренироваться у него. Сам попросился к нему. Якуб Камболетович — мастер спорта, приехал из Молдавии. В то время Молдавия была лучшей школой в СССР по самбо. В сборной СССР было много ребят из Кишинёва. Мы же тогда мастеров спорта в глаза не видели, кроме него. Знаете, авторитет тренера очень важен. Если ты не считаешь тренера, ты учиться у него не будешь, поэтому все стремились к нему. Коллектив

у нас был хороший, крепкий. Мы до сих пор все дружим.

– Якуб Камболетович говорил Вам, что разглядел в Вас тогда талант?

– Нет, но, когда через полтора года я выступил на первенстве

СССР по самбо среди юношей, он сказал: «Я бы никогда не подумал, что ты так отборешься». Я стал там пятым.

– Почему он так думал?

– На тренировках я боролся не так, как на соревнованиях. На со-

ревнованиях я всегда боролся лучше. Не знаю, почему.

– Вы были учеником со сложным характером?

– Да, я был сложный. Ему всегда было трудно со мной. Хуже всего то, что я до сих пор это в себе не люблю. Несколько раз я пытался даже оставить спорт и заниматься другими делами. Я начинал работать автомобилистом, учился в автодорожном техникуме, и я люблю автомобили, хотел стать инженером, как мой старший брат. Коблев от меня этого не ожидал. Он хотел, чтобы я пошёл по спортивной линии, настаивал. Мне, например, не нравилось, что мне приходилось очень рано вставать на тренировки. В семь утра мы должны уже были работать на татами. Однажды я заявил, что категорически отказываюсь ходить на утренние тренировки. И что вы думаете? Он мне разрешил. Я был единственным, кому он разрешил это! Он понял, что иначе я брошу борьбу. Был индивидуальный под-

ход к каждому. Есть некоторые тренеры, которые гнут свою линию, а Якуб Коблев находил путь к каждому спортсмену. Хотя при этом он был жёстким, непримиримым.

– И в итоге Вы остались в спорте...

– Он настойчивый был, не оставлял меня в покое. Представьте себе: я только полгода занимался, травмировал голеностоп и не пошёл на тренировку. Он пришёл ко мне в общежитие техникума и спросил, почему я не пришёл на тренировку. Я показал опухший синий голеностоп. Он говорит: «Надо греть». Я говорю: «Как? Тут нет, где греть». Он: «Купи тазик». Я: «У меня денег нет». Он дал десять рублей, а тогда это были бешеные деньги. Конечно, буду я на тазик тратиться! Мы эти деньги проели.

– Якуб Камболетович узнал, что Вы потратили деньги на еду?

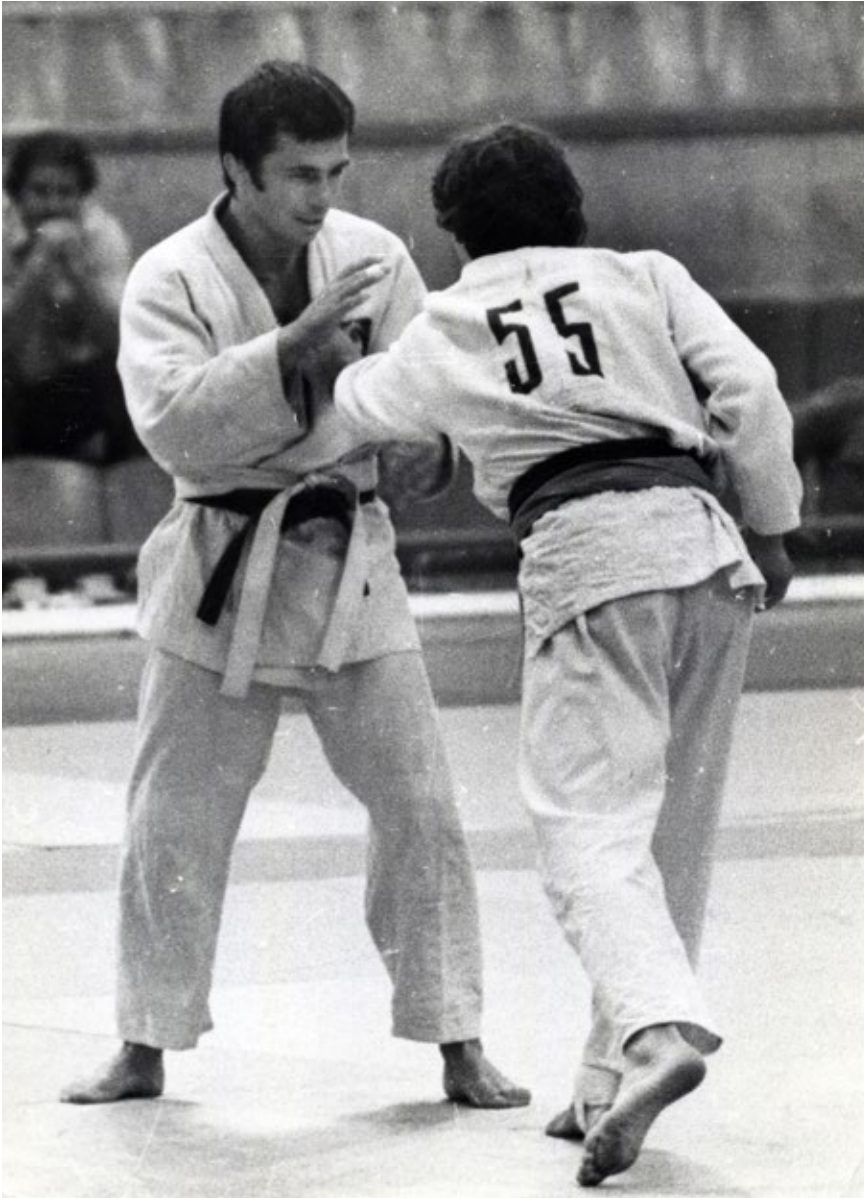
– Много лет спустя я рассказал об этом, он просто рассмеялся.

– Несмотря на ту Вашу попытку всё бросить, сам тренировочный процесс под руководством Якуба Камболетовича Вам нравился?

– Якуб много возил нас на сборы, особенно в Кишинёв, где готовились ребята из сборной СССР. Конечно, мы быстро учились. Тренировки были два-три раза в день, выматывались. У нас очень дружный коллектив был. Это самое главное в спорте. Учились потом сами друг у друга. Спрашивали, кто и как выполняет приёмы. Вообще, всё строилось на его целеустремлённости, его умении держать хороший климат в коллективе. Ещё одной его сильной стороной было то, что он мог организовывать на пустом месте хорошие условия для тренировок. Мы ездили на сборы по всей стране — в Питер, Москву, Красноярск, а в Кишинёв мы, как к себе домой, ездили. И везде были люди, у которых мы учились. Он давал нам уникальную возможность учиться у других мастеров, а потом заставлял каждого из нас показать, чему мы научились. Он творчески подходил к тренировочному процессу. Для Коблева было важно, чтобы мы понимали, что и для чего делаем. Например, мы все сами должны были вести свою «шахматку», никакого секретариата соревнований. То есть ты сам анализируешь своих соперников, сам следишь за своей сеткой. В любой момент он мог подойти и попросить посмотреть «шахматку», а это значит, что ты постоянно следишь за своим татами, не отвлекаешься, знаешь всех соперников наизусть. Мы и знали их до мелочей.

– Когда мысли об уходе из спорта прекратились?

– Когда я попал в сборную команду СССР по дзюдо, желание уходить из спорта покинуло меня.

Я понял, что у меня есть шанс попасть на Олимпийские игры. До Олимпийских игр 1976 года в Монреале самой маленькой весовой категорией была до 63 кг, а я был маловат для этого. Физически я бы не справился. Но потом ввели весовую категорию до 60 кг, которая мне хорошо подходила, и тут же я перешёл из самбо в дзюдо. То есть это был конец 1976 года. В то время самбо и дзюдо были очень похожи между собой по технике, по правилам. Обучение было у нас очень техничное. Мой земляк Владимир Невзоров признавался самым техничным дзюдоистом два года под-

ряд в мире. Я сам много раз получал призы за лучшую технику на больших международных турнирах. Мы могли одинаково хорошо бороться и по дзюдо, и по самбо. Я ведь чемпион Европы и СССР по самбо. В общем, переход из одного вида в другой был для меня очень лёгким.

– Что лично для Вас значила победа Владимира Невзорова на Олимпийских играх в Монреале?

– Это была огромная мотивация! Конечно, меня это очень подстегнуло. Мы все тянулись за ним, подражали ему. Я хотел стать таким же техничным, как он. Я подсматривал,

что он делает, учился, повторял. Он гений. Одарённейший человек, редкий талант.

– Когда Вы поняли, что Вы в олимпийской сборной?

– В 1980 году я выиграл Тбилисский турнир, получил приз за лучшую технику. Тогда уже было понятно, что наверняка я буду выступать на Олимпийских играх. Это был февраль 1980 года. Конечно, это было не точно. Но у меня была уверенность, что я буду выступать. Моими конкурентами по сборной были Евгений Погорелов, двукратный чемпион Европы, а также Хусейн Мараев. Хорошие ребята. Погорелов поехал на чемпионат Европы в 1977 году вместо меня, так как у меня была травма. Он выиграл этот чемпионат Европы. Его повезли на следующий раз. Опять выиграл. Было очень тяжело эту ситуацию переиграть, но получилось.

– Какие воспоминания остались от Олимпийских игр в Москве?

– Я жил на базе в Подольске, выступал 2 или 3 августа, это был уже конец Игр. То есть я практически ничего не видел. Каждый день боролась одна весовая категория, начиная с самой тяжёлой. На седьмой день я выступал, а остальные наши ребята уже смотрели Олимпиаду, у них впечатлений осталось больше (*смеётся*).

– Расскажите о своём выступлении на Играх.

– Это был трагичный день для меня. Меня на пресс-конференции спросили: «Как Вы себя чувствовали на пьедестале?» Я сказал, что ничего не чувствовал. Тогда у нас была «слепая» жеребьёвка, не так, как сейчас по рейтингу. В мою «четвертину» попали очень сильные соперники. Венгр Тибор Кинчеш,

Якуб Коблев
провождает
Арамбия Емижа
на олимпийский
татами в Москве

Схватка с Рэ
на Олимпиаде-1980

парень, который со мной занял третье место. Я встретился с ним через пару месяцев после Игр на Кубке Европы и чисто выиграл у него за полторы минуты. То есть в той части конкуренции никакой не было, а в моей «четвертинке» в полуфинале я продирался с большим трудом. В итоге борьба получилась не очень честной — я был уставший, а Тьерри Рэ, будущий чемпион, свеженький. К тому же я боролся всего через пять минут после очередного тяжёлого поединка.

– Получается, у Вас, как у советского спортсмена, хозяина Игр, не было никакого преимущества своей площадки?

– Спорт — это жестокая вещь, никакого преимущества и не должно быть. По тем правилам всё было честно.

– Сейчас как Вы оцениваете эту «бронзу»?

– Во-первых, мне чуть стыдно за неё. Меня считали фаворитом, я должен был выиграть. Поэтому и

стыдно, и обидно. Но, с другой стороны, может и хорошо, что я не выиграл. Многие люди, которые стали олимпийскими чемпионами, не смогли справиться с этим бременем. Эта бронзовая медаль меня хорошо поддерживает в жизни. Меня в Германию взяли на работу благодаря ей. Там нельзя работать без тренерского образования, которого у меня не было. Я окончил институт физической культуры тут, но это не давало право работать в Германии. Для этого нужно было ещё окончить двухгодичные курсы. Но меня взяли и не пожалели об этом.

– После Олимпийских игр Вы практически сразу ушли из спорта?

– Я выступил ещё на чемпионате СССР, и потом я закончил. Если посмотреть на мою карьеру, то дзюдо я занимался недолго — всего три с половиной года. После Олимпийских игр никакого желания продолжать не было.

– Почему?

– Усталость накопилась. Психологическая, в первую очередь.

– И чем Вы стали заниматься?

– Сразу пошёл работать тренером. Я хотел, и у меня это получалось. Проработал три года, и меня пригласили в «Динамо». У нас открылся Адыгейский областной совет «Динамо», меня пригласили заместителем председателя этого совета, и я туда ушёл. Работать тренером я уже не мог. Долго там работал, пока не наступили «лихие» времена, 90-е годы. Тогда я захотел поехать работать тренером за рубеж. Я много занимался немецким языком и хотел работать в Германии. Я поехал, предложил себя, и меня взяли. Это был хороший клуб в Мюнхене, воспитавший много чемпионов.

– Когда Вы уезжали в 1991 году из страны, думали о возвращении?

– Хотелось там остаться надолго. Мне предложили провести тренировку, я провёл. Мне предложили остаться на пару месяцев. Я сказал, что два месяца меня не устраивают. Тогда мне сказали: поработайте хотя бы дней десять. Я начал работать, и через пять дней мне сказали, что я им нужен надолго. Так и случилось. В общей сложности я проработал там четыре года и три месяца.

– Почему Вы решили вернуться?

– Там всё было нормально, они не хотели меня отпускать. Но тут, на Родине, у меня была старенькая мама. Сын начал становиться немцем. Ему не было пяти лет, когда мы туда поехали. Конечно, он сразу начал говорить по-немецки, пошёл в садик, потом в школу. Я не хотел, чтобы он стал «немцем». Он должен быть адыгом! Я вернулся, забрал мать, она ещё прожила у меня десять лет. Счастливая. Ну и ностальгия, конечно, звала домой.

– Вернувшись, снова стали тренировать?

– Да. Я сразу пришёл к Якубу Камболетовичу и начал работать. В моей жизни он сыграл основную роль. Великую роль. Он просто определил мою жизнь до конца, и я ему очень благодарен за это. Коблев был сумасшедшим в хорошем смысле слова. Вначале он поставил себе цель создать команду, состоящую из мастеров спорта в каждой весовой категории. Мы смеялись. Но команду в итоге сделали. Потом он сказал: мы будем делать команду, состоящую из мастеров спорта международного класса. Мы опять смеялись. Сделал он и такую команду. А потом само собой пошло дальше. Он не говорил мне, что я могу стать олимпийским

Арамбий Емиж судит встречи на турнире «Мастерс» в Мюнхене

Арамбий Емиж с супругой и с сыном

Арамбий Емиж
и Николай Жирнов

чемпионом или призёром, но он просто делает свою работу, а ты сам приходишь к мысли, что ты можешь. Уже не вызывает у тебя страха такой высокий полёт, ты постепенно и очень естественно добираешься до вершины, борешься и принимаешь как должное. Я бы ушёл из спорта, если бы вдруг нашу группу отдали другому тренеру. Личность Коблева для меня была на первом месте. Есть единственный партнёр, с кем ты хочешь разговаривать, — это тренер, которого ты выбрал. Не тренер тебя выбирает, а ты — тренера. Если бы он не был таким, каким он был, я бы не тренировался у него.

– Сейчас Вы больше не тренируете?

– Нет, больше этим не занимаюсь.

– А нет желания набрать группу детишек и с нуля учить их дзюдо?

– Я всегда хотел набрать группу маленьких девочек и выучить, заложить базу. У нас в России девочек не учат бороться, не учат технике. Но я сам уже возрастной, это первое. А, во-вторых, это ведь каждый божий день надо приходить на тренировку — а это самое тяжёлое в тренерской работе. Не опаздывать. Смогу ли я это? Я не уверен. Поэтому я не ввязываюсь, потому что, если ввяжешься, то надо делать дело до конца. Так?

– Конечно!

– Хочется, но колется (*смеётся*).

– О женском дзюдо Вы знаете очень многое — Вы ведь были

главным тренером женской сборной России на Олимпиаде в Афинах.

– Тогда ситуация по отбору на Олимпийские игры в женской команде была катастрофическая. До Олимпийских игр мне предложили поработать, чтобы я помог в отборе. В Афины отобраны четыре девочки. Планировали две медали, но Люба Брулетова, которая была очень хорошо готова, упала и не смогла побороться за призы. Как мы говорим, татами скользкий. Теа Донгузашвили заняла третье место. По тем временам отбор неплохой, но план не выполнили.

– Судя по результатам, сейчас ситуация с женским дзюдо особо не изменилась?

– Есть единицы талантливых девочек, но никакого сравнения с обучением ребят нет. Девочек просто не учат бороться. Может, тренерам будет обидно, но это факт. Квалифицированные тренеры не хотят работать с девочками.

– Сейчас в Вашем ведении находится весь Южный федеральный округ, который славен очень сильными спортсменами. Как удаётся поддерживать такие результаты?

– Главное лицо в спорте — это тренер, энтузиаст. Второе лицо — это ученик, который выступает. На этом основании образуются школы. А у нас на юге этих энтузиастов очень много. У нас хорошие борцовские традиции в целом. К тому же у южан побороться — это в крови. Поэтому появляются хорошие таланты. Тут питание другое, люди более здоровые. Мне кажется, в этом заключается секрет.

Текст Татьяны ПАПОВОЙ
Фото Марины МАЙОРОВОЙ
и из архива Арамбия ЕМИЖА